

Культура. —
1999. — 16-22
сент. — с. 4

Тонна мышинового масла, или Вечно живой труп

Полемические заметки

Детские театры любят театральную сказку Нонны Слепаковой по мотивам Киплинга "Кошка, которая гуляла сама по себе". Но в семидесятые одна реплика из этого спектакля встречалась дружным хохотом зала. Сегодня, конечно, на нее не обращают внимания. Мужчина кричал на женщину: "Чего тебе еще надо? Мышиного масла?". Автор и зрители хорошо знали тогдашний анекдот: иностранец возвращается из России и восхищается жизнью русских. "Все у них хорошо, только мышинового масла не хватает".

— Какого мышинового масла?

— Ну этого, за которым всегда очередь на Красной площади... Там еще написано — Маус-олеум...

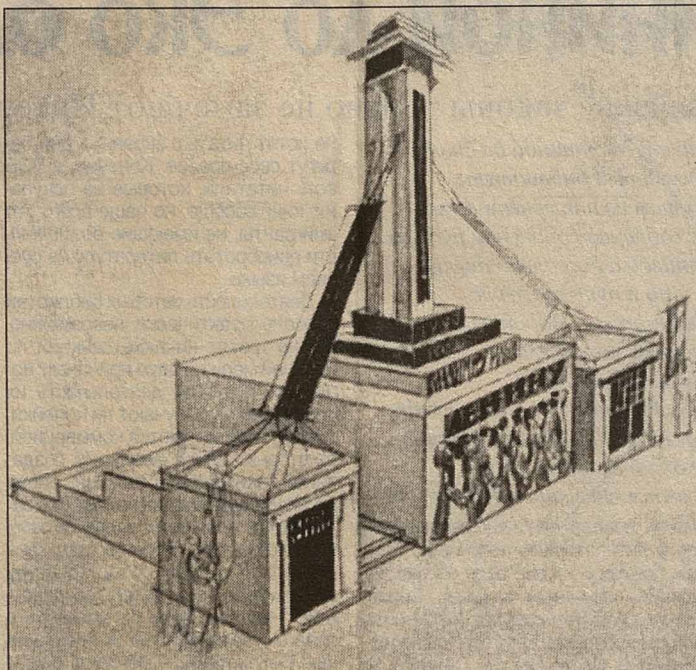
Этого мышинового масла в последнее время стало очень много. Десятки публикаций, дискуссия в прессе и как венец всего — огромный фильм Павла Лобкова (НТВ), который так и называется: "Мавзолей".

Картина эта выдержана в лучших традициях документальных расследований НТВ, когда в наличии все, что нужно для успеха, — эксклюзивная информация, эффектная ее подача, классная музыка, роскошная операторская работа, — и отсутствует только одна, не такая уж и важная вещь: авторская позиция. То есть она есть, наверное, только очень уж глубоко. И на главный вопрос — зачем, собственно, ухнуто столько труда и таланта, — зрителю приходится отвечать самостоятельно. Расписываясь в собственной ограниченности, но ответа все чаще не нахожу.

В первый тулик меня загнал Парфенов со своим "Намедни 1961 — 1991". Объективность обернулась амбивалентностью, полным отсутствием авторского отношения к предмету. Парфенов добился этого очень просто — смещением большой и малой истории. В большой изобрели автомобиль. В малой, как учили Ильф и Петров, — резиновый пузырь "уйди-уйди". У Парфенова джипсы, жвачка и космические полеты встали в один ряд. Рената Литвинова, рассуждающая о стиле эпохи, и Анатолий Стреляный, говорящий о сельском хозяйстве, тоже как бы уравнились. В результате эпоха, несомненно, обдававшая собственным ароматом

и собственным же трагизмом, стала выглядеть и не великой, и не смешной, а какой-то винегретной, не имевшей ни смысла, ни итога. Между тем тридцатилетие, в которое советский человек впервые отделился от родного государства и оказался перед лицом необходимости соотносить себя с вечными ценностями, а не с ценностями явно гибнущей империи, заслуживало более серьезного разговора, без тотальной и всепроникающей иронии. Автор и сам, по-моему, понял, что значительная часть усилий по сбору уникального материала оказалась напрасной, — нет авторской воли, способной этот материал организовать. Аналогичная непрявляемость авторской позиции помешала Евгению Киселеву снять действительно оригинальный и значимый фильм о Ленине. Единственной бесспорной удачей документального цикла НТВ представляется мне киселевский же "Афганский излом" — все-таки Евгений Алексеевич там был, и отношение к происходящему у него личное. Ясна была и сверхзадача — показать обреченность даже самых честных реформаторов в стране, не готовой к реформам и не желающей их. Но вот сверхзадача Лобкова мне что-то никак не желает открыться. Виною тому — пресловутая амбивалентность, с которой мы до сих пор вынуждены относиться к нашему великому и ужасному прошлому. Выбирать между великим и ужасным когда-нибудь придется все равно. Совмещать эти оценки еще можно на эстетическом уровне. Но Лобков-то берется за чисто этическую проблему. И здесь его метод обнаруживает свои пороки.

Очень жаль, что именно Лобков — самый субъективный, живой и остроумный из обозревателей НТВ — на глазах бронзовеет, утрачивая личную интонацию. Это общий порок наиболее заметных фигур в информационно-публицистическом вещании этого канала: начав говорить, они очень скоро начинают вот именно вещать, как бы от имени абсолютной истины, — иметь же личное отношение к изображаемому считается, видимо, дурным тоном. Лобков с одинаковым терпением и талантом выкапывает сен-

Проект временного Мавзолея В.И.Ленина на Красной площади. Архитектор А.Шусев. 1924 г.

сационные детали и пересказывает общеизвестное. О мумиях-дублерах задолго до него рассказывал "Огонек" — и даже показал, — но, конечно, живое изображение посильнее фотографии. Лобков с особенным смаком описывает зеленую нижнюю губу вождя, вставляет воспоминания одного из врачей о зеленой и черной плесени, время от времени поселяющейся на трупе... Казалось бы, все в совокупности должно наводить на мысль о гнусности самой затеи, о какой-то всероссийской некромании, и тогда замысел Лобкова вписывался бы в кампанию противников Мавзолея. Но Лобков — насколько я знаю, биолог по образованию, — не может скрыть своего естественнонаучного восхищения доблестью Эбарского и его союзников. Восхищают его и врачи, занятые поддержанием жизни в трупе, простите за сомнительный каламбур. Сохранение тела он называет подвигом, сам Мавзолей — выдающимся памятником. Более того, в этом контексте сохранение трупа Сталина тоже начинает казаться результа-

том героических усилий коллектива врачей, работавших под дамокловым мечом. И когда престарелый гебист вспоминает о том, как со сталинского мундира перед захоронением срезали ордена и пуговицы и как Шверник, присутствовавший при сем, плакал, — гебист чуть не плачет, и зрителю его глубоко жаль. В результате даже вынос Сталина из Мавзолея начинается казаться не меньшим кощунством, чем внос его туда. То есть пресловутая объективность составляет любое событие советской истории воспринимать чисто феноменологически, что, может, и хорошо само по себе, но как-то уж очень пахнет эскапизмом, бегством от оценки, размытостью собственной нравственной позиции. В чем-в чем, а в этом Лобкова прежде нельзя было заподозрить.

Фильм Лобкова наглядно демонстрирует причины, по которым никто до сих пор так и не может решить судьбу Мавзолея. Такие сооружения и создаются, и разрушаются в великом историческом порыве. Лично я ни секунды не со-

мневаюсь, что Мавзолей невредимым простоят до следующей перестройки, результатом которой будет уже не только его снос, но и, скорее всего, переделка Красной площади в подобие национального парка с гуляющими по ней зебрами и антилопами; конечно, защитники национальных святынь помитингуют с грязными рукописными плакатами, однако, надеюсь, их быстро препроводят куда следует. Но через какие зверства и абсурды стране еще придется пройти до этой перестройки — знает один Бог. Сегодня ясно, что очередной исторический шанс упущен, власть и оппозиция равно противны и бессильны, и Мавзолей простоят на Красной площади еще долго как символ глобального омертвления русской жизни.

Может быть, именно это омертвление имел в виду Лобков, так назойливо показывая даже в анонсах своего фильма погруженные в бальзам трупы? Может быть, именно эта тотальная мертвечина заставляет его так пристально, с таким натурализмом исследовать альбомы, в которых зафиксированы цвета ленинских кожных покровов? Может быть, его интерес к самым темным тайнам Мавзолея — именно следствие тотальной некрофилии, поразившей страну, в которой почти нет ничего живого?

Тогда перед нами и впрямь очень своевременный фильм. Непонятно только, откуда у Лобкова берутся не всегда уместная ирония и то нескрываемое самодовольство причастного к абсолютной истине, которое как будто не очень гармонирует с серьезным исследованием процессов омертвления общества.

И еще об одном неплохо бы помнить. Все эти трупы — дублер, Ленин, Россия — были когда-то живыми. И оттого, говоря о них, неплохо бы иногда вспоминать о таких вещах, как гнев, ненависть, любовь, сострадание... А еще о том, что Ленин просил похоронить его рядом с матерью и сестрой. И каковы бы ни были его прижизненные грехи, отнимать у него это последнее право — значит несколько превращать наши земные полномочия.

Дмитрий БЫКОВ